

Социальный улов

Как считает филолог Павел Арсеньев, Facebook не только облегчает коммуникацию между людьми, но и позволяет удовлетворить такие подавленные страсти как эксгибиционизм и вуайеризм. Рассказывая о новом фильме режиссера Дэвида Финчера, автор статьи исследует внутреннюю тоталитарность, лежащую в основе проекта социальной сети.

Всем нам знаком такой термин, как product placement: в кино как будто случайно попадают отдельные, «тщательно подобранные» товары и товарные знаки, и герои радостно предаются их потреблению — разве что не так откровенно, как это происходит с их коллегами в рекламных клипах.

Моральное оправдание смешения художественного и товарного обычно заключается в апелляции к «существованию самой действительности». Как будто реалистический фильм о современности невозможно сделать, не снимая окружающий нас товарный мир.

В связи с фильмом Дэвида Финчера «Социальная сеть» очевидная мысль о коварной природе этого полнометражного промо-ролика почему-то никому не приходит в голову — видимо, реклама стала настолько привычной в нашей жизни, что мы уже не обращаем на нее никакого внимания. Но ведь неназванная реклама действует только эффективнее, сближаясь в статусе с «объективным» повествованием или «незаинтересованным созерцанием».

Значимость такой приметы времени, как социальная сеть, однако, превозносится настолько, что недостаточно просто указать на ее неотступное существование в современности, — требуется нечто более монументальное. Гимн, посвященный Финчером сети Facebook, должен был бы выглядеть так же непристойно, как если бы был снят фильм, посвященный триумфальному шествию Microsoft по планете. Но нечто позволяет избежать ему этой участи. И это нечто — соци-

альные ожидания, которые инвестируются в феномен социальных сетей. Социальный спрос на альтернативную, не товарно-денежную экономику сейчас действительно очень высок: фри-маркеты, требование поголовного социального пособия в обмен на спонтанное сетевое творчество так называемого «general intellect». Как пишется на ресурсе, стилистически и идеологически родственном предмету разговора, «частная информация пятисот миллионов пользователей находится в руках человека, который занят вовсе не зарабатыванием денег, а подготовкой социальной революции. Его цель — сделать мир более открытым и приятным местом»¹.

Обратимся к самому фильму, чтобы понять, на чем основан и как может быть развенчан миф о «важнейшем общественном проекте нашего времени» и мнимой революционности «журнала учета лиц».

Марк Цукерберг начинает заниматься разработкой будущей прибыльной жилы после фатальной ссоры со своей девушкой. Во время их разговора выясняется основная obsессия Марка — элитарные студенческие клубы Гарварда. Привилегированное сообщество, учеба в котором подразумевает принадлежность к социальной верхушке и исключительное качество образования, которое позволит «сохранить и приумножить» свой социальный капитал, воспроизвести себя как представителя класса, Марка не принимает.

Обставив своих благородных и состоятельных конкурентов, также рассчитывавших стать основателями главной социальной сети, герой празднует победу. Соперники же подают на него в суд, столкнувшись не столько с потерей потенциальной прибыли, сколько с нарушением работы естественных для них социальных привилегий: «впервые в их жизни все пошло не так, как они запланировали», как говорится в фильме.

В эру когнитивного капитализма основным средством производства являются человеческие связи и коммуникация, и тот, кто изобретает нечто, преодолевающее устаревшие производственные отношения, по праву может быть назван революционером. Предопределенное как бы самой злой судьбой изгоя-вундеркинда, изобретение Марка сметает сдерживающие человеческое общение ограничения и обходит искусственные препятствия, выставленные невидимыми сильными мира сего. Таким образом, сценарий фильма может быть прочитан не только как критика воспроизводства социального и культурного неравенства, но и как руководство по взлому установившегося социального порядка.

В эру когнитивного капитализма основным средством производства являются человеческие связи и коммуникация, и тот, кто изобретает нечто, преодолевающее устаревшие производственные отношения, по праву может быть назван революционером.

Однако если сначала Марк действительно может напомнить Маркса (ведь что такое преодоление социальных барьеров в структуре горизонтальной социальной сети как не поздний аналог проекта построения бесклассового общества, пусть и виртуального), то впоследствии, избавляясь от всех ближайших соратников, он прибегает к методам почти тоталитарным.

Точно так же, если сперва создатель Facebook настойчиво отвергает идею размещать на своем ресурсе рекламу (так что мы действительно можем подумать, что это некий утопический некоммерческий проект), то вскоре выясняется, что он поступил так только для того, чтобы, набрав достаточный символический капитал, конвертировать его по значительно более выгодному курсу, стать супер бизнес-проектом. Главное разочарование испытываешь, когда задним числом выясняется, что Facebook был всего лишь и по преимуществу «гениальным старт-апом».

«Facebook действительно изменил нашу жизнь. И в будущем — изменит еще больше. Это не только мощный инструмент социального, политического и коммерческого влияния, в первую очередь это новая форма коммуникации, простая, быстрая и наиболее эффективная из предложенных нам сегодня». Нет необходимости поминать старика Маклюэна, чтобы понять, что имеется в виду в этом отрывке. Новый медиум не лоялен по отношению к различным способам его использования — он диктует свои правила, преломляя «сообщение».

Исходная идея Facebook'a — сделать прозрачной любую личность для любой другой — возможно, симптоматичнее всех перечисленных «перегибов на местах» и двусмысленных методов «ведения дела». Даже с поправкой на право пользователя дозировать открытую информацию, сама мысль о том, чтобы «носить табличку», в которой указаны не только твои индивидуальные данные, но и степень готовности вступать в социальные и личные контакты, имеет слишком специфическую генеалогию, для того чтобы считать ее «освободительной».

В таком случае «освободительной» следовало бы считать и модель паноптикума, о потенциале полицейского контроля которого писал Фуко и не говорил только ленивый в отношении крупнейшей отечественной социальной сети.

Изучая клиническую медицину и архитектуру, Фуко пришел к выводу, что необходимость полной видимости индивидов под неким направленным и сосредоточенным взглядом диктовалась не столько внутренними задачами медицинской практики, сколько потребностью самой власти в контроле. Удовлетворению этой потребности и служит знаменитый проект «Паноптикума» Джеремии Бентама². Обеспечивая присмотр, который одновременно был бы и общим, и индивидуальным, полностью обособляя наблюдаемых индивидов, паноптикум придает социальной реальности свойство прозрачности, но сама власть при этом становится невидимой.

1
<http://theoryandpractice.ru/posts/312-revolyuetsiya-imeni-tsukerberga-kniga-facebook-effect>
2
«Правило таково: по краю расположено кругообразное здание, в середине этого круга находится башня, в башне же проделаны широкие окна, выходящие на внутреннюю сторону кольца. Строение по краю разбито на камеры, каждая из которых проходит сквозь всю толщу здания. У этих камер по два окна: одно, выходящее внутрь как раз напротив окошек башни, и другое, выходящее на внешнюю сторону и позволяющее свету освещать всю камеру. Тогда и оказывается, что вполне достаточно поместить в срединную башню одного надзирающего, а в каждую камеру запереть безумца, больного, осужденного, рабочего или школьника. И на просвет из башни можно будет рассматривать вырисовывающиеся на свету маленькие силуэты узников, заточенных в ячейках этого кругообразного здания». — Здесь и далее цит. по: «Око власти» // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Практик, 2002.

В силу определенного оптического эффекта в каждой камере существует свой маленький театр, где каждый вечер на арене только один актер... «Для надзирателя толпа распадается на исчислимое и доступное контролю множество; для заключенных — становится местом затворничества одиноких, постоянно открытых чужому взгляду людей. Этим определяется главный эффект Паноптикума; цель его — добиться, чтобы заключенный в любой момент мог стать объектом наблюдения, обеспечивая тем самым автоматическое функционирование власти. Сделать так, чтобы результат надзора был постоянным, даже если само по себе наблюдение осуществляется не всегда». Короче говоря, именно так, по мнению Фуко, переворачивается «правило темницы»: при ярком электрическом свете сторожить лучше, чем в темноте, которая, в конце концов, скрывает от постороннего взгляда.

Этот принцип был использован еще в Парижском военном училище в 1751 году, в дортуарах воспитанников. Каждому полагалась застекленная клетка, где его можно было бы видеть на протяжении всей ночи, однако сам он не мог иметь никаких контактов со своими однокашниками. Так что идея обособляющей видимости носилась в воздухе как минимум с середины XVIII века, и в этой перспективе социальные сети оказываются своего рода венцом традиции социального надзора, не лишенным демократического пафоса — ведь каждый теперь не только надзираем, но и надзирает. Так сказать, полицейские меры с человеческим лицом.

Притворяясь идеологически нейтральной технологической оптимизацией общественных связей, Facebook обладает еще одной, значительно более важной, функцией, чем упрощение социальных контактов и создание виртуальных сетей солидарности. И этой функцией, очевидной каждому не стремящемуся угодить в невод социальных сетей, является удовлетворение таких парных страстей, как эксгибиционизм и вайеризм. Ситуация облагораживается разве что тем, что это не является исключительной проблемой феномена, которому посвящен фильм «Социальная сеть». Сама индустрия кино предполагает, что зритель всегда подглядывает за актером, а актер всегда знает об этом отложенном подглядывании.

«Новая форма коммуникации, простая, быстрая и наиболее эффективная из предложенных нам сегодня» даже в безобидном фильме Финчера оборачивается своей истерической стороной: самый молодой мультимиллиардер мира, создавший то ли протез, то ли симулятор социальной коммуникации, ждет, когда же его электронное предложение «добавить в друзья» примет та самая подружка, со ссоры с которой все и начиналось.

Обновление страницы не дает результатов.